

of weapons of the Iron Age – spears – is still insufficient. This is especially true about the spearheads found in the territory occupied by Baltic tribes. Investigators of Baltic tribes archaeology cannot boast of capital works or somewhat more exhaustive studies on spears. Only a few articles and chapters of some generalizing works are known which, however, are too short and abstract to satisfy the researchers specializing in certain types of weapons.

This article devoted to a particular purpose: to discuss the problems of chronology and origin of E type (according to J. Petersen) spearheads with ornamented sockets from the Viking period.

Two subtypes of E – type spearheads are found in the Baltic archaeological sites from the Viking period. Some of them have ornamented other ones – plain (without ornaments) sockets (Fig. 1). The ornament is composed of grooves arranged along the socket into arched lines which are brought together into one spot near the blade. On the opposite end these grooves form several arches (Fig. 2). This ornament is differently called by various authors: arched, Gothic, flame-shaped. It, presumably, serves only as a decoration and is not related with manufacturing technologies.

Spearheads without decorated sockets make the absolute majority, whereas, those with arched-line ornament belongs to rarer finds. According to the available data 56 such spearheads were found in 26 archaeological sites (Fig. 3). Taking into consideration the present state and administrative boundaries 34 items were found in Lithuania, 6 – in Latvia and 16 E – type spearheads with decorated sockets found in the territory of former East Prussia. The given number might be not precise because it is difficult to count the finds from the East Prussia due to the lack of reliable data: records and literature. The largest number of such weapons – 14 – was uncovered in the Kaup bei Wiskiauten barrow cemetery. In other archaeological sites they were sparser: 5 spearheads in 4 graves of Upyna burial ground (Šilalė district), 4 – in Kretuonys barrow cemetery (Švenčionys district) (Fig. 9), 3 – in the Kapiņu Kristapēni burial ground (Preiļi district), 2 spearheads in each were found in the Čio-biškis (Širvintos district) barrow cemetery, Marvelė (Kaunas) and Palanga burial grounds. It was a rare case when the Rupunionys (Kaunas district) hoards of weapons yielded two E – type spearheads with ornamented sockets (Fig. 4). In other Baltic archaeological sites such spearheads were uncovered isolated (Fig. 11) or stray finds (Fig. 5). The find spots of some other spearheads are not known.

Not only ornaments but other weapons as well, uncovered in the same graves, are important in determining the chronology of E – type spearheads. These weapons include

swords, other types of spears, shield bosses and battle knives (1, 2 Tables). E – type spearheads with sockets decorated in arched-line ornament were found together with swords in 14 graves (Table 1). The H – type swords – found in 4 cases – were the most frequent finds. They were followed by V – type swords – in 3 graves – and swords of types B, E, K, M, Y, X – one find of each type. The B type sword is one of the earliest types of swords in the Viking period. It was found together with the discussed type of spearhead in grave No 124 (195) of Laiviai (Kretinga district) burial ground. In the Baltic territories these swords are dated to the end of 18th–9th C. A. D.

Grave No 151a of Kaup bei Wiskiauten barrow cemetery which yielded a K – type sword with other artefacts (Fig. 6) is dated to the middle of 9th century. Graves from the 9th–10th centuries yielded also H, M, and Y types of swords. The latest E – type spearheads with ornamented sockets were uncovered in Kaup bei Wiskiauten and Palanga together with V and X types of swords and other artefacts (Fig. 7, 8).

Among the ornaments which help to date the sets of finds including the E – type socketed spearheads the most frequent are brooches: penannular with rolled, quadrangle and faceted terminals, sometimes ladder and cross-bow brooches with poppy-head terminals, in rare cases – tortoise-shaped. “Warrior’s” bracelets serve as a good chronological indicator as well (Fig. 10).

Thus, the archaeological material indicates that E – type socketed spearheads were included in the Baltic weaponry within the years 800–1050. At the beginning of 11th century such spearheads were rare exceptions.

As to the origin of the E – type spearheads in the areas occupied by Balts there is an almost common opinion that they came from Scandinavian lands where they were rather popular. Such opinion is substantiated by archaeological data and circumstances of uncovering of these weapons. They prove that manufacturing centres of such weapons were situated in Scandinavia.

As all imported weapons the E – type spearheads were very expensive and they did not play the role of “democratic” weapon in the Baltic weaponry. Not all members of society armed with such spearheads. They were possessed only by well-armed warriors. The statistical average of the set of weapons revealed that warriors possessing the E – type spearheads were also armed with a sword and another spear. Thus, we may conclude that E – type spearheads, as also swords, were included into the weaponry of professional warriors, i.e., persons who belonged to nobility.

Translated by A. Jurkonytė

Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства)

Владимир Кулаков

Конец I тысячелетия н. э. ознаменован последним серьезным потрясением основ европейской цивилизации до- и раннегосударственного периода. В науке этот сложный процесс, казавшийся средневековым европейцам катастрофическим, именуется „движением викингов“. Термин, обозначающий участников этого движения, имеет древнескандинавское происхождение. Первоначально им называли любой военный поход, предпринимавшийся жителями Скандинавского полуострова за пределы зоны их конкретного поселения. Позднее, в 11 веке викингами стали называть участников этого похода. Существуют различные толкования смысла этого термина. По мнению авторитетного языковеда Е. А. Мельниковой, *í vikingu* текстов рунических камней, написанных на общем для раннесредневековой Скандинавии древнеисландском языке (далее – дисл.), имеет в русском языке эквивалент „находиться, участвовать в викингском походе“ в составе других „воинов-мореплавателей (викингов)“ (Мельникова Е. А., 1977, с. 196). В западноевропейской исторической науке к настоящему времени сложилось устойчивое мнение об уникальности движения викингов.

Во второй половине I тысячелетия н. э. на берегах Балтийского моря экономика различных племен характеризуется преобладанием пахотного земледелия, широким развитием железодельного производства, подъемом тяглового транспорта (Негтманн J., 1982, S. 18, 19). Эти аспекты стали предпосылками будущего процесса образования государств на северной и восточной окраинах Европы. Часть северо-европейского общества, не нашедшая своего места в обозначенной выше новой исторической реальности, начала движения викингов (Wilson D., 1980, S. 160, 169). В этом ракурсе данное историческое явление, вы-

глядит как романтический и весьма кровавый сюжет на широком полотне истории нашего континента.

Сущность движения викингов выглядит иначе при ее ретроспективном анализе. Наилучший пример такой методики представляют исследования петербургского археолога Глеба Сергеевича Лебедева. Этот исследователь впервые в отечественной историографии опубликовал четкую периодизацию движения викингов (Лебедев Г. С., 1983, с. 45, 46). Начало этого процесса отнесено к 8 июня 793 г. – к дате нападения скандинавов на монастырь Св. Кутберта, располагавшийся на английском острове Линдисфарн (у побережья Нортумберленда). Длительный до 891 г. (поражение, понесенное скандинавами от рыцарских войск Саксонии и Баварии при Лёвене) ранний период движения викингов характерен стихийным созданием воинских дружин. Первоначально эти отряды собирались, как у германцев эпохи Юлия Цезаря, лишь для одного военного похода. На раннем этапе движения викингов формируется развитая воинская организация (дисл. – *dróttis*). По мнению Хенрика Ловмянского, „настоящая развитая дружина была отрядом, остающимся под крышей и на содержании вождя“ (Ловмянский Х., 1985, с. 47, 48). Множество этих дружин, члены которых клятвой были связаны со своим вождем и подчинялись лишь ему лично, наводили ужас на самые разные уголки Западной Европы. Скандинавские саги дружинников этой эпохи именуют *höldr* („воитель“, „герой“), *drengr* – молодежь, добывающая себе славу и богатство далеко от родного дома. Члены дружин викингов в социальном отношении отличались от земледельцев-общинников Скандинавии (дисл. *bond*) и противостояли им. Племенные ополчения (дисл. – *leidangr*),

возглавлявшиеся родовыми вождями – херсирами и хёвдингами – редко удалялись в своих походах от родных берегов (Лебедев Г. С., 1985, с. 63–65). В этот исторический период скандинавы (в первую очередь – викинги) именуются жителями континентальной Европы энтонимом „норманны“ („люди севера“).

Средний этап движения викингов датируется 890–980-ми годами. В процессе его развития в Скандинавии начинается сложение государственных образований. 891 г. традиционно считается датой возникновения датской династической традиции. Установление в Норвегии власти конунга (дисл. – „король“) Харальда Харфагра (до 940 г.) привлекло на запад Скандинавии значительное число дружин викингов, спешивших получить свою долю власти и богатства. Напротив, сотни бондов покинули родные берега, спасаясь от мечей королевских дружин (дисл. hird) в Исландии, открытой около 874 г. Входившие в состав дружин конунга воины, нередко – бывшие викинги, именовались húskarlar и подчинялись лишь королю. Тем самым военная опора глава государства повторяла структурные принципы отрядов викингов. Задачей этих дружин являлись уже не походы в заморские земли, а действия, направленные на укрепление власти короля. Распространявшаяся на часть Скандинавского полуострова, эта власть поддерживалась мечами королевских дружинников и опиралась в имущественном отношении на сбор дани с подвластного населения.

Заключительный этап движения викингов датируется 980-ми гг. – 14 октября 1066 г. Обладая достаточной долей условности, последняя дата соответствует победе рыцарского войска Вильгельма Завоевателя в битве при Гастингсе над последним скандинавским конунгом Англии Харальдом Хардрада. Активность викингов, подвергавшихся жесткому прессингу со стороны королевской власти, заметно снизилась уже в 1000–1025 гг. На среднем и позднем этапах своей деятельности вольные воины, бороздившие Балтийское море, именовались væringr (от дисл. væg – „клятва“), т. е. – „воин, связанный со своим вождем клятвой верности“. Отсюда происходят обозначившие пришельцев с севера Европы термины

„варяг“ (Древняя Русь) и „фаранг“ (Византия). Как справедливо отмечает Г. С. Лебедев, предводители варяжских дружин, поправшие в своих кровавых деяниях все традиционные нормы нравственности, служили альтернативой созидательной политики первых скандинавских королей (Лебедев Г. С., 1983, с. 49). Эти короли, в сущности, выиграли историческое противостояние с охваченными жаждой наживы дружинами воинов-мореплавателей. Тем самым викинги внесли неожиданно позитивный вклад в развитие североευропейской государственности. Движение викингов после середины 12 века, уже не встречавшее поддержки во всех слоях скандинавского общества, было обречено на гибель. Таковы традиционные параметры истории движения викингов (преимущественно – в его военном аспекте). Однако, как показывают данные многолетних археологических исследований, этот аспект не является основной причиной движения викингов. К жизни его вызывали прежде всего этнические связи и торговые интересы.

Прежде чем окончательно суммировать смысл североευропейских событий 9–11 веков в контексте истории всего континента, необходимо подвергнуть анализу истоки движения викингов, прежде всего – в восточной части Балтийского моря. В середине I тысячелетия н. э. Европа в духовном отношении представляла собой фактически два макрорегиона различных цивилизаций. Их составляли исповедовавшие христианство и сохранявшие остатки позднеимских традиций государства западных германцев и разноплеменный языческий мир. Граница между этими двумя цивилизациями (термин условен) проходила от Ютландского полуострова на северо-западе до устья реки Дуная на юго-востоке. Сложение условий для возникновения движения викингов ученые видят в процессах, происходивших в родоплеменном обществе Скандинавии. С его стабилизацией в 5 веке н. э. на севере континента под властью родовых вождей возникли „малые королевства“. В этих родо-племенных микрорегионах и зародились ростки движения викингов, вызванного экономическими, демографическими, и этническими процессами в языческой части Европы. Примыкавшие к Балтике различные племена северных германцев, балтов, финно-угров

и славян, находившихся на сходных ступенях социального развития, имели систему власти, близкую по смыслу к упомянутой выше общественной структуре. Эта близость различных этно-культурных регионов позволяет Г. С. Лебедеву для периода 9–11 вв. объединить их в „балтийскую субконтинентальную цивилизацию“ (Лебедев Г. С., 1988, с. 97). Первооткрывателем трассы „из варяг в греки“, ставшей с конца 9 века основной Восточного пути (Avstervegr скандинавских sag) викингов, считается племя бастарнов 2 века до н. э. (Лебедев Г. С., 1988, с. 97), этнический характер которых до сих пор не ясен.

На самом деле этот речной путь, отрезки которого по Даугаве, Днепру и Волге соединяли север и юго-восток Европы, функционировал уже три тысячи лет тому назад. Это засвидетельствовано на восточном побережье Каспийского моря (полуостров Токмак) находками ладьевидных каменных кладок, характерных для скандинавских древностей эпохи поздней бронзы (Кулаков В. И., 1991, с. 64). Думается, пришельцев с севера влекли на юг в те далекие времена не захватнические, а преимущественно торговые интересы.

Основой для широких межплеменных общений, начавшихся в истории нашего континента глобальными перемещениями индоевропейцев в середине II тысячелетия до н. э. и завершившихся движением викингов, являются поиски представителями различных социумов своего места в меняющемся мире на разных уровнях хозяйственной и общественной деятельности. В сущности, поисками социальной ниши, наиболее удобной для жизнедеятельности являются начальные импульсы всех социальных катаклизмов (нашествия, религиозные движения, революции) в западной части Старого Света.

Именно на заре европейской истории обозначилось важнейшее звено, соединявшее межплеменные контакты севера и юго-востока нашего континента. Этим звеном стало население юго-восточных берегов Балтики. Его посреднические функции на самых разных этапах исторического развития до сих пор слабо изучены. Именно этот вопрос является ключевым в осмыслении характера движения викингов в его восточном, т. е. – балтийском варианте.

Археологический материал показывает ведущую роль жителей Янтарного берега (ныне – Калининградская область России) в обменных процессах между Скандинавией и Северным Кавказом в начале I тысячелетия до н. э. (Кулаков В. И., 1994а, с. 113). С этого момента на протяжении многих веков контакты севера Европы с ее другими частями базировались во многом на балтийском янтаре. Перспектива получения контроля над трассами Янтарного пути подтолкнула в 200–300 гг. н. э. появившихся ранее в низовьях реки Вислы южнскандинавское племя готов предпринять миграцию в Северное Причерноморье. Так впервые в восточной части континента этническая миграция, вызванная демографическими, хозяйственными и социальными факторами, использовала сложившийся на протяжении предыдущих веков трансрегиональный путь межплеменных обменов. Это переселение шло по древнейшему аналогу пути „из варяг в греки“. Он вел в позднеантичную эпоху с Янтарного берега, населения которого включало и отдельные группы готов, по рекам Висле, Западному Бугу и Днепру (Тиханова М. А., 1970, с. 205) к торговым городам Крыма и Боспора. Попытка представить себе все возможные трассы торговых и военных экспедиций, возможные рынки сбыта северных товаров отразилась в своеобразном готском „интинерарии“ (лат. – „перечень дорог“). Он относится к эпохе создания „Державы Германариха“ (ок. 375 г.) и сохранился в тексте готского историка Йордана (Рыбаков Б. А., 1987, с. 29, 30).

Пожалуй, одним из важнейших результатов миграционной активности южных скандинавов на исходе античной эпохи стала, этно-культурная диффузия в некоторых регионах Балтики. Восточногерманское присутствие для 3–5 вв. н. э. прослеживается в земле пруссов по археологическим данным. В свою очередь, жители острова Борнхольм, являвшегося своеобразными „западными воротами“ (Klindt-Jensen O., 1961, p. 163) янтарной торговли, в 5–6 вв. активно перенимают прусские обычаи (Klindt-Jensen O., 1957, p. 124–127), что показывает балтское этническое присутствие на этом острове. „Восточные ворота“ янтарной торговли – остров Готланд также с 5 века испытывает мощное влияние прусской культуры.

Обилие характерных для нее женских украшений и деталей воинского снаряжения, встреченные в островных захоронениях вендельской поры (Mälarstedt H., 1979, p. 102), показывает многонациональный состав островитян.

Все эти выводы современного археологического исследования балтийских регионов привели многих скандинавских специалистов к выводу о наличии в 5–8 вв. групп балтского населения на островах центральной части акватории Балтийского моря (Callmer J., p. 102–106). Тесные торговые контакты привели к тесным брачным связям между жителями Янтарного берега и скандинавских островов.

Обеспечив таким образом свои прочные торговые позиции в центре Балтики, пруссы и соседние племена балтов обращают свой взор на восток. Влекомые торговыми интересами, они проникают в Финский залив. Следы их пребывания на этих берегах являются раскопанные в 1940 г. 9 погребений в Старой Ладого. Ранее их приписывали местному племени кривичей (Кирпичников А. Н., 1988, с. 47). Однако по деталям погребального обряда и по инвентарю (Орлов С. Н., 1941, с. 124, 129) эти комплексы находят полные аналогии в прусских древностях конца 7 века. Восточное направление торговли янтарем и другими товарами Севера было определено еще до начала эпохи викингов близкими славянам чертами своего повседневного быта племенами балтов (Ломоносов М. В., 1987, с. 101).

Иначе складывалась ситуация в западной части Северной Европы, где реализовался атлантический вариант движения викингов. Сложившиеся в материковой части Западной Европы государства не были готовы к мирным контактам с „варварами“ Севера. Их внедрение в общества своих южных соседей имело военный характер (служба наемниками и набеги) (Lund Hansen U., 1994, S. 6). При этом часть скандинавов могла покидать свои острова ввиду заселения их балтами. Таким образом, атлантический вариант движения викингов ввиду противостояния христианской и языческой цивилизаций было с самого начала обречено иметь характер вооруженного противостояния. В самом деле, здесь викингами были завоеваны Бретань, восточная часть Англии (область Дэнло), Оркнейс-

кие, Фарерские и Шетландские острова. Исчезали в огне пожаров церкви и монастыри, населения грабилось и подвергалось обложению непосильной данью. Параллельно в этой части Европы шло заселение отдельных регионов скандинавскими бондами, искавшими и нашедшими здесь самое дорогое для них сокровище – пахотную землю. Конструктивной роли в строительстве местных государственных структур (кроме Нормандии и Сицилии), не говоря уже о стабильном участии в мирной торговле, скандинавы на западноевропейской арене не сыграли. Иначе складывались судьбы движения викингов на Востоке. Его основной и первопричиной стали здесь торговые интересы многонационального, прежде всего – прусского населения Янтарного берега и островов Балтики.

На рубеже 7–8 вв. в начальной точке Янтарного пути – в дельте реки Вислы – возникает торговоремесленный пункт Трусо, современник и партнер фризского Дорестада и датского Рибе. Населявшие его прусские купцы и воины согласно отмеченной выше традиции в жены берут жительниц Готланда (Кулаков В. И., 1990а, с. 178, 179). Полиэтничен и младший аналог Трусо-Кауп, возникший в земле пруссов в начале 9 в. (Кулаков В. И., 1989а, с. 98, 99) Трусо и Кауп, ориентированные на янтарную торговлю, являются первыми в восточнобалтийском регионе протогородскими центрами, ставшими впоследствии важным фактором движения викингов. Эти центры аккумулировали восточную торговлю, что показано выпадением в земле пруссов самых ранних на Балтике кладов диргемов (Kulakow W., 1992, S. 112). Торговые контакты прусских купцов с Востоком с начала 8 века контролировались интернациональной дружиной Янтарного берега. В сложении этого неперемного компонента будущего движения викингов юго-восточная Балтия на 250 лет опередила Скандинавию, ибо начало формирования прусской дружины относится к середине 5 века (Кулаков В. И., 1995а, с. 106).

Таким образом, обладавшая глубокими многовековыми связями с населением Восточной Европы торгово-дружинная группировка Янтарного берега начала контакты по Восточному пути минимум на сто лет ранее кровавой зари движения викингов на Западе. Балтийский вариант этого

движения характеризовался прежде всего мирными торговыми интересами. Ключом к Восточному пути по Волжскому направлению была Старая Ладога. С самого ее основания в середине 8 века одной из основных видов хозяйственной деятельности ее многонационального населения являлись обработка балтийского янтаря и торговля янтарными изделиями (Давидан О. Н., 1984, с. 125). Именно здесь в третьей четверти 9 века археологические материалы показывают конфликт, произошедший между местным населением и, видимо, готландцами (Рябинин Е. А., 1985, с. 47). Этнос последних показан поздней формой готландской нагрудной пряжки с выступом в нижней части в виде головки Одина в горизонте ЕЗ (Давидан О. Н., 1980, с. 66). Возможно, этот конфликт связан с переходом ок. 820 г. инициативы в восточной торговле из рук прусских купцов к их конкурентам (хотя и близким в результате родственных связей) с Готланда (Kulakow W., 1992, S. 112). События, происшедшие в третьей четверти 9 века в Ладого, которая с середины 8 века „... являлась „мостом“ между Балтикой и внутренними районами Восточной Европы“ (Носов Е. Н., 1993, с. 75), симптоматичны для всей восточной окраины Балтики. Возможно, результатом именно этого конфликта стало призвание новгородцами Рюрика с братьями и дружиной. Смысл этого акта четко обозначен Евгением Николаевичем Носовым: „Не исключена реальность ... факта призвания на договорных условиях одной из групп скандинавов для обеспечения соблюдения ... правовых норм взаимоотношений вдоль оживленной торговой трассы ... северной части балтийско-волжского пути“ (Носов Е. Н., 1990, с. 189). Судя по всему, стремление к стабильности торговых отношений стала одной из ведущих причин появления главного итога балтийского варианта движения викингов на Балтике – образования Древнерусского государства.

Его название – Русь – некоторые петербургские коллеги выводят из дисл. drótt – „дружина“ (Лебедев Г. С., 1985б, с. 225). Этот термин, восходящий к готскому driugan („совершать“), сохранился в прусском (*drauga-), литовском (draugovė) и древнерусском языках (дружина), обозначая воинский коллектив или его членов (То-

поров В. Н., 1975, с. 369). Это показывает связь дружинных формирований юго-восточной Балтии и ранней Руси. Ее наименование гототетически можно связать не с термином „дружина“, уже представленном в законченном виде в древнерусской лексике, а с прусским термином irt (Топоров В. Н., 1980, с. 70) в его отглагольной форме iruso. Его эквивалентом является русское „я – гребец“. Именно так определялась контролировавшими Восточный путь прусскими воинами их принадлежность к дружине (Кулаков В. И., 1989б, с. 92).

К началу 10 века на балтийских берегах сложилась структура обеспечения местного варианта движения викингов. Его основой стали протогородские центры в прусском ареале (Кауп), в земле ливов (Даугмале), на эстонских островах (Сааремаа), в ареале словен и кривичей (Новгород, Ладога), охранявшиеся полиэтничными дружинами. Эти пункты, обозначившие начало Восточного пути, ставшего для жителей балтийских берегов открытым водным путем в страны мусульманского Востока, были как торговыми, так и военными базами движения викингов. Как известно, эти отважные мореходы нередко при благоприятных условиях брали в руки вместо весов для диргемов меч. Правда, важно отметить более мирный (относительно атлантического варианта движения викингов) характер контактов пришельцев с местным населением. Постоянные связи с указанными выше центрами поддерживали как их скандинавские аналоги (Готланд, Бирка на озере Меларен, Хэдебю), так и протогородские центры в западнославянских землях (Ольденбург-Старигард, Волин, Швелюбе). Все означенные пункты, цепочкой расположенные на морском берегу на расстоянии друг от друга в нескольких дневных переходах каботажных судов, служили в принципе стоянками для торговцев и воинов на протяжении грандиозной водной трассы между Данией на западе и берегами Финского залива на востоке. Уже в конце 9 века предпринимались осознанные попытки сбора данных об этом пути (плавание путешественников Оттара и Вульфстана) (Матузова В. И., 1979, с. 15). Достаточно спокойный процесс развития отношений предгосударственного уровня, характеризующий балтийский вариант движения

викингов, реализовался на устойчивой этно-культурной диффузии, возникшей в 9–11 на восточных берегах Балтики. Четко видный на археологическом материале в Скандинавии (Ginters V., 1981, S. 44), этот процесс вызвал появление в юго-восточной Балтии зон населения с контактными культурными чертами. Особо ярко это заметно в прусском, куршском и ливском ареалах. Эти черты материальной культуры, стадильно близкие матримониальным связям населения Янтарного берега и скандинавских островов в середине I тысячелетия н. э., показывают принципы движения викингов на Балтике. Правда, оно не всегда было мирным. В результате набегов викингов, среди которых особой свирепостью отличались пираты из Волина („йомсвикинги“ скандинавских саг) и из земли куршей, гибнут Ддорестад (834–837 гг.), Трусо (ок. 860 г.), Хэдебю (1050 г.), Сигтуна (1187 г.). Антипиратскими действиями шведского *leidangr* в середине 9 века разрушается центр куршских дружинников Апуоле. Однако теснейшие связи между народами балтийских берегов на всем протяжении эпохи викингов не нарушаются (Mühlen B., 1975, S. 2–4). Славянское в своей этнической основе государство Русь, своим возникновением непосредственно связанная с балтийским вариантом движения викингов, в результате этого исторического процесса заняла свое прочное место на европейской политической арене. Тесные этнические и культурные связи между народами Восточной Европы и различными племенами Скандинавии и Балтии, близость их социального развития логически привели к образованию Древнерусского государства.

Появление любого крупного государства и раннесредневековой Европе связано с действиями пришельцев извне. Сложившиеся на обломках провинций Римской Империи Франция на первых порах своей государственности приняла франкский дружинный импульс, Англия – англосаксонский, Италия – восточнотетский и лангобардский. Властители всех этих государств первоначально были окружены дружинами, составленными из представителей различных германских племен. Разумеется, о принесении ими идей государственности не может быть и речи. Быстро избавляясь от „варварских“ обычаев, пред-

ставители новой знати Запада принимали ценности христианской цивилизации. Западноевропейские раннефеодальные образования базировались на римском имущественном и законодательном наследии. Иначе сложилась судьба Древнерусского государства. Далекое от очагов позднеантичной цивилизации, в 862 г. оно возникло в значительной мере как гарант стабильности Восточного пути для купцов Балтики. При этом их коммерческие амбиции совпали с центростремительными силами слоев восточнославянского общества. Призвание вождей варяжских многонациональных дружин было для населения востока Балтики исторической необходимостью. „Факт призвания князя есть следствие внутреннего общественного развития страны, чьей знати на службу он и становится“ (Пашуто В. Т., 1965, с. 86). Скандинавский этнический элемент, известный на памятниках археологии Древней Руси, по своему значению для местной истории является аналогом показателей этно-культурной диффузии в юго-восточной Балтии 5–11 вв. Правда, на Руси скандинавский этнический элемент на фоне местных древностей представлен гораздо слабее, нежели в ареалах балтских племен. Соответствующие дружинному окружению князей и купцам Восточного пути, находки скандинавского происхождения во многих случаях показывают матримониальные связи порвавших с родовыми обычаями представителей восточнославянского общества, охотно бравшие себе в жены жительниц Скандинавии и юго-восточной Балтии. „Метисизация“ украшений в дружинных курганах показывает не столько ассимиляцию скандинавов (Петрухин В. Я., 1983, с. 179), сколько появление декоративного стиля многонациональной дружины.

Предложенное „нулевое“ решение длившейся в отечественной историографии более полутора веков дискуссии „норманистов“ и „анти-норманистов“ представляется актуальным. Складывавшиеся в Балтии за много веков до начала движения викингов предпосылки его появления показали органичность данного процесса для этой части Европейского континента. Культурная, социальная и, возможно, языковая близость между купцами, варягами и населением Восточной Европы не позволяет предполагать абсолютную чуждость результатов движения викингов (т. е. – появление

Руси) для данного региона. Активность викингов на Востоке (в ее смягченном относительно Запада Европы варианте) базировалась на эффекте перманентных этно-культурных диффузий 4–12 вв. н. э. Дружины викингов использовались торговым Восточным путем, складывавшимся на протяжении многих веков. Многообразие балтийского варианта движения викингов, отдельные аспекты которого можно сравнить с известным „броуновским движением“ молекул, является отражением естественных и органических явлений в истории Восточной Европы. Его важнейшим результатом стало появление на карте Европы Древней Руси – государства, являющегося Родиной для множества народов значительной части нашего континента.

Как и позднейшая Литва, Русь возникла на базе ценностей языческой цивилизации раннесредневековой Европы. Этот аспект во многом определил своеобразие дальнейших путей развития Руси-России. Таким образом, выявление в движении викингов балтийского фактора (прежде всего – определение позитивной роли племени – „посредника“ – пруссов) позволяет с новых позиций оценить сложные события в истории восточно-европейского средневековья. Ключевые для этих событий региона Балтики – земля пруссов, остров Готланд и Новгородская земля сохраняли свой особый социально-территориальный статус и после завершения движения викингов. Все они в разной степени были включены тогда в систему Ганзейского торгового союза, продолжателя торговых традиций балтийских купцов 9–11 вв. Все эти области вошли в состав государств данной части Европы в ходе длительных и кровавых войн лишь в эпоху развитого средневековья.

Показателем сложности процесса движения викингов является декоративное искусство дружин Севера и Востока Европы в 9–11 вв. Памятники этого искусства отражают духовный мир участников движения викингов. Сложнейшие орнаменты различных типов (стилей) украшали оружие суровых воителей Севера, изображались на деталях убора спутниц их жизни. В ту далекую и героическую эпоху даже многие предметы быта, инструменты, детали повозок, кораблей и домов покрывались декором. Современному зрителю изящные линии этих декоров представляются

прежде всего результатом творческих изысков ювелиров эпохи викингов. Однако на самом деле практически весь объем декоративного искусства многонациональной языческой цивилизации Европы исполнен глубокого культового смысла. Фигуры, которые составляют эти волшебные узоры, являются отражением религиозных воззрений участников движения викингов.

В русской археологии узор 9–11 вв., составленный из различных взаимопроникающих полос, условно называется „плетеным орнаментом“. Этот вид декора, известный в древности у монголов и кельтов, армян и византийцев, наиболее логичное и последовательное развитие получил в древностях германцев. Традиционно называемым в европейской специальной литературе „звериным“, древнейший вариант этого орнамента („Стиль Нидам“) возник первоначально в середине 5 века н. э. н. у племен континента. Он был вызван к жизни провинциально-римской изобразительной традицией (Haseloff G., 1973, S. 442). Столь характерные в искусстве различных племен вплоть до 12 века (Jung E., 1922, S. 211, Abb. 72) слоскостные фигуры изогнутых, похожих на собак животных восходят к изображению львов, украшавших поясные пряжки легионеров на границах поздней Римской Империи (Haseloff G. 1973, S. 442). В эпоху заката Империи орнамент был призван удовлетворять прежде всего эстетические вкусы заказчиков.

В битве на реке Недао (454 г., сражаясь за „гуннское наследство“ (сокровища, добытые в войнах с Римской Империей), столкнулись бывшие союзники Аттилы. Это событие, изменившее ситуацию в системе общения между „варварскими“ племенами, нашло отражение в фольклоре древних германцев (Wamers E., 1987, 85): об этой катастрофе повествуют Сага о Вёлунде“ и, возможно, „Песнь о Нибелунгах“, Битва при Недао положила конец гуннским войнам и послужила отправной датой Великого переселения народов. Десятки племен покидали родные пределы. Это эпохальное событие отразилось и в декоративном искусстве: в процессе этнических миграций на основе „Стиля Нидам“ формируется I Общегерманский звериный стиль. В последней четверти 5 века он становится известен у населения Скандинавии (Haseloff G., 1981, S. 706).

Круг образов северных германцев в 5–12 вв. непосредственно связан с комплексом их религиозных воззрений. Впервые „плетеные“ орнаменты, вызванные тенденцией к абстрагированию от териоморфных образов (т. е. ставшие результатом упрощения фигурок зверей), появляются в готских мастерских Северной Италии. Так в 525–550 гг. формируется стиль II (Haseloff G., 1981, S. 612). На создание „плетеного“ декора повлияли традиции ювелиров поздней античности. В частности, „плетеный“ орнамент был известен еще в эпоху эллинизма („узел Геракла“). Этот художественный прием нашел благодатную почву в культуре германцев, отражая существовавшее в их мировоззрении ощущение неразрывной связи всех окружающих человека явлений. Появление „плетенки“ знаменует обретение германским орнаментом сакрального смысла. При помощи указанного нововведения мастера различных племен создают замечательные композиции, призванные мистическим образом создать защиту владельцам декорированных изделий, обеспечить им успех и процветание. Такая грань искусства, связанная с религиозным мировоззрением, была широко распространена и у народов античного мира. Примером подобной роли украшений являются в искусстве западных германцев „языческие иконы“. Возникшие в конце 5–6 вв., они представляют царя богов германского пантеона – Водана-Одина (Кулаков В. И., 1995в, с. 72), окруженного культовыми животными и птицами (вороны Хугин и Мунир). Данный феномен духовной деятельности германцев в финале их язычества представляют собой смысловой аналог христианских икон. Украшая мечи и пояса родовых и дружинных вождей, эти „языческие иконы“ символизировали значимую роль своих владельцев в обществе, показывали олицетворение ими земной ипостаси повелителя небес (Кулаков В. И., 1995г, с. 38). Идея „языческой иконы“ реализуется в искусстве различных племен Балтийского региона вплоть до конца эпохи викингов (Кулаков В. И., 1990в, с. 209; Кулаков В. И., 1995в, с. 75). На смену „иконы“ Одина – богу элиты скандинавского общества в 10 веке приходит изображение бога молний Тора, покровительствовавшего не только воинам, но и земледельцам. Встречаемый на оружии и на женских

украшениях образ Тора окружена (или заменена) фигурками посвященных ему животных – козлов Тангниостр и Тангриснир. Образцы этих и других животных, в культовой практике языческой цивилизации Европы считавшихся священными и приносившихся в жертву богам, во множестве украшают самые разнообразные изделия, выходявшие из-под рук торецтов, обслуживавших дружины викингов. Культовое значение оберега, которое обретал украшенный указанным образом предмет, базировалось на религиозных традициях родового периода. Однако в эпоху викингов дружинная культура по-новому использовала варианты культов, ранее присущие лишь населению „малых королевств“. Этот аспект специфичен для дружинных древностей на позднем этапе их формирования (Кулаков В. И., 1994а, с. 148). На Руси, в частности, это реализовалось в резком усилении почитания бога Перуна, аналога Тора. Апофеозом культа бога-громовника, развившегося в дружинной среде, явилось создание князем Владимиром Святославовичем ок. 980 г., государственного культа Перуна для укрепления идеологической базы молодого Русского государства (Кулаков В. И., 1991/92, с. 127). Памятники дружинного искусства показывают широкое распространение в Балтии культа богов, ранее не свойственных местным племенам. Судя по широкому распространению в Балтийском регионе (Венелин Ю. И., 1846, с. 47) священных атрибутов бога молний – топор и/или молот (дисл. „Мьёлльнир“), круг мистических символов разноэтничных дружинников был един. Исключения составляли изображения людей (боги, мифические герои, персонажи жертвоприношений) (Watt M., 1994, p. 79–81), характерные с рубежа 7–8 вв. преимущественно для Скандинавии. В принципе диапазон сюжетов искусства эпохи викингов восходит к древностям германцев середины I тысячелетия н. э. Новшеством 10 века стали раннегеральдические изображения эмблемы викингов – ворона. Обладавшая в среде скандинавов глубоким мистическим пиететом (Исландские саги, 1956, с. 748), эти птицы изображались на щитах варягов, вскоре став знаком их социальной принадлежности (Кулаков В. И., 1988, с. 115, 116).

В современной скандинавской науке сложилась следующая картина макрорегиональных художественных стилей эпохи викингов (Karlsson L., 1983):

„Стиль Борре“ (9–10 вв.) характеризуется изображением фигурок зверей (преимущественно – собак) и птиц (петухи, реже – вороны), ограниченных четким контуром. Эти фигурки в композиции соединяются плетеными элементами. Данные полосы состоят из 2–4 линий, между которыми нередко показаны ряды гранул, имитирующих зернь.

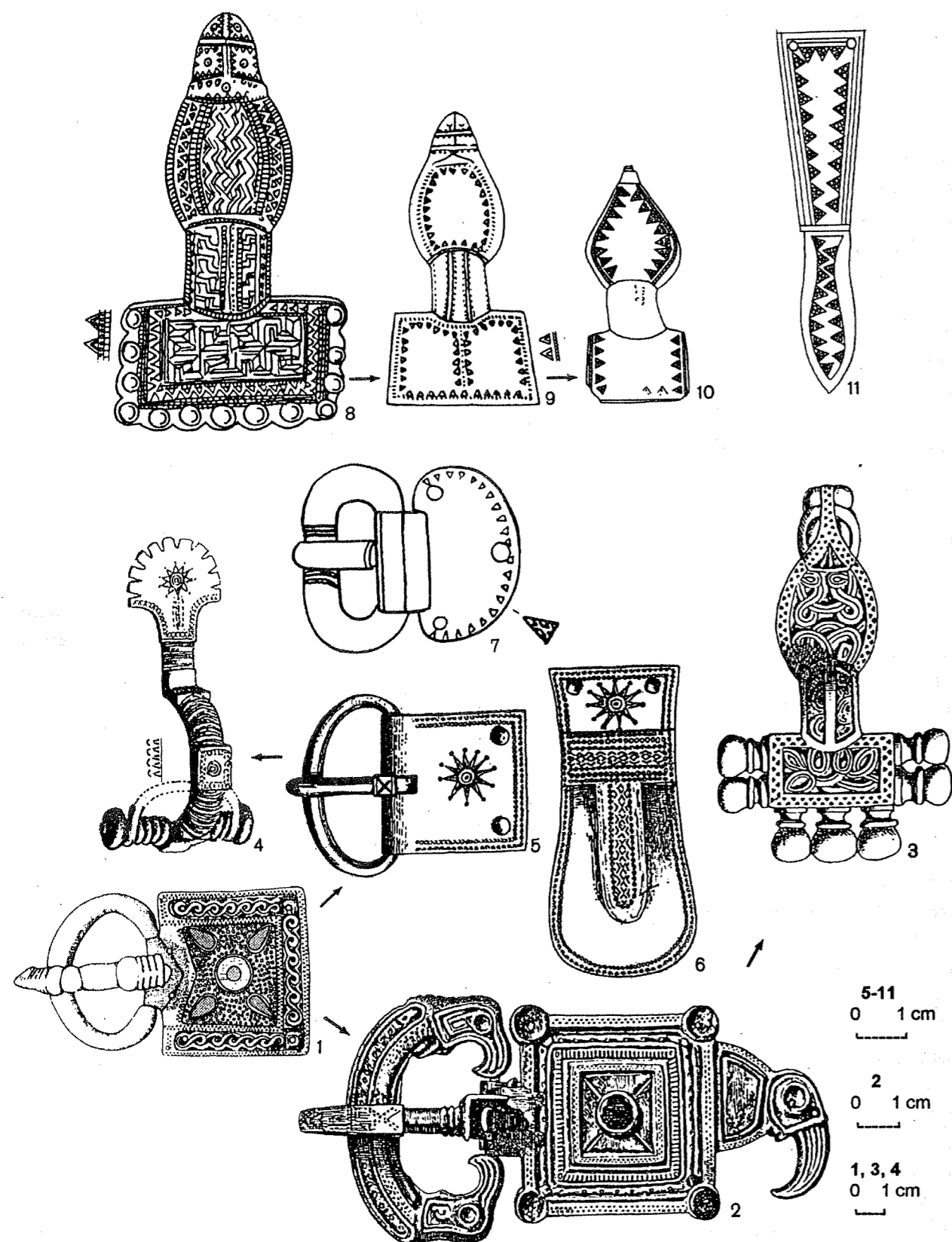
„Галло-каролингский стиль“ (9 век) представлен преимущественно растительными композициями, заимствованными из арсенала образов искусства континентальной Европы эпохи Каролингов.

„Стиль Еллинг“ (10 век) является генетическим наследником упоминавшегося выше Стиля II, развивавшегося в преддверии эпохи викингов и отличается изображением переплетенных фигур зверей. Животные „Стиля Еллинг“ имеют удлиненный очертания, имея вид драконов. Возможно, часть этих образов соответствует Мировому Змею скандинавской мифологии – Ёрмунганд. Для данного стиля характерно заполнение тел драконов дополнительным узором, в том числе – зигзагообразными линиями, ставшими результатом серии оттисков треугольного штампа („волчий зуб“). Со „Стилем Еллинг“ генетически связан его младший современник – „Стиль Маммен“ (Fuglesang S. H., 1991, p. 103, 104).

„Стиль Великого Зверя“ (конец 10 – начало 11 вв.) являет собой уникальное в искусстве викингов нарушение симметрии композиции, представляя преимущественно фигуру животного (Волк Фенрир?). Данный образ, связанный с мифом о Последней Битве Богов („Рагаррёк“), присущ финальной стадии развития языческой культуры Севера Европы (Кулаков В. И., 1989в, с. 68). Черты данного стиля нашли глубокое отражение в дружинном искусстве Киевской Руси, где „синкретизм скандинавских и славянских языческих верований, вполне естественный в этнически смешанной дружинной среде, облегчался благодаря общей для дохристианских религий обоих народов индоевропейской основе“ (Чернецов А. В., 1985, с. 58). В западной Скандинавии региональный вариант „Стиля Великого Зверя“ имеет название „Стиль Рингерике“.

„Стиль Урнес“ (11 век) соответствует финальной стадии развития движения викингов и отражен уже в декоре христианских церквей. По-прежнему изображая животных, мастера этого стиля придавали своим образам гротескные формы, сплетая их в глобокружительные по сложности композиции. Очень часто в состав этих композиций включаются персонажи христианского культа, представленные в соответствии с раннероманской изобразительной традицией.

В торецтовке эпохи викингов памятники указанных стилей представляют собой предметы быта, вооружения и украшения, изготовленные из цветных металлов путем литья по восковой модели или посредством соединения различных металлов (инкрустация, плакировка). Слабо изученными по сей день остаются весьма многочисленные памятники искусства второй половины I тысячелетия н. э., изготовленные посредством оттисков различных штампов (пуансонов). К ним относятся подковообразные фибулы и застежки прочих типов, пластинчатые браслеты, подвески, предметы быта, Штампованный орнамент украшал их детали, имевшие плоскую поверхность. Широко распространенные в восточной части Балтики, в эпоху викингов эти произведения дружинного искусства украшаются в основном орнаментом „волчий зуб“. Значительная количественная представленность памятников искусства с таким декором, имеющим устойчивую зигзагообразную композицию, позволяет предполагать наличие особого изобразительного стиля. Условно его можно именовать „Стилем Волчий зуб“. Он характеризуется орнаментацией контура предмета, реже – его центральной части оттисками треугольных, реже – полукруглых, „циркульных“ и прочих штампов. Композиционно эти оттиски образуют полосы, заполненные линиями зигзагов. Имея композиционные и технологические истоки в „Стиле Сёсдала“ (5 век) (Кулаков В., 1996), „Стиль Волчьего зуба“ оформляется в ареале пруссов с начала 6 века и является результатом переосмысления западными балтами традиций германского искусства. В „стиле Сёсдала“ композиция из звезды и окружающей ее рамки (рис. 1 : 4–6) выполнена оттисками треугольного штампа на готовом изделии. Эта композиция имитировала характерную

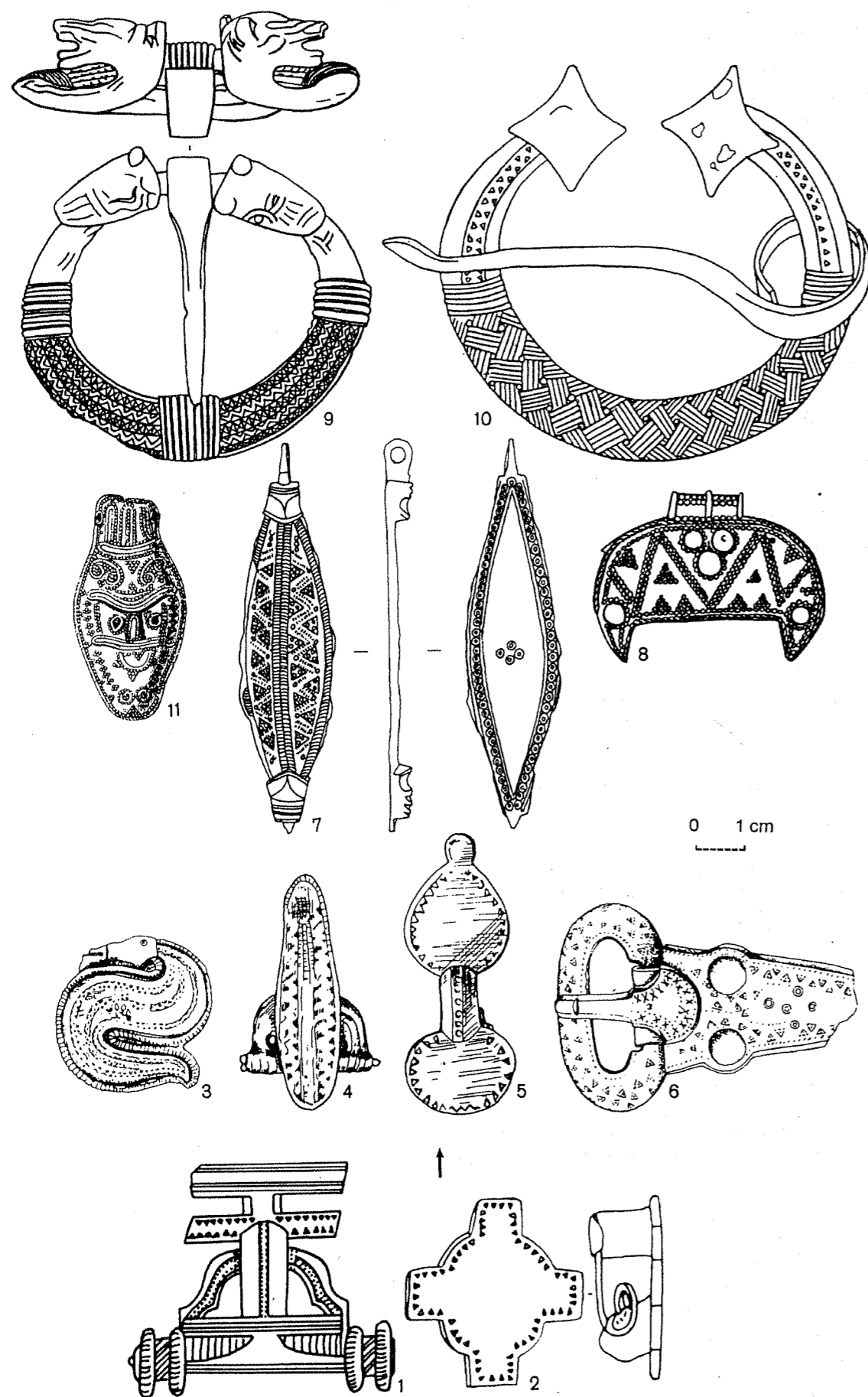
ранее для гуннского полихромного стиля вставку на обоймицу пряжки (или на пластину фибулы) полудрагоценного камня (Кулаков В., 1996). Промежуточным этапом появления этой имитации являются в Подунавье восточнотские пряжки сер. 5 в. (рис. 1 : 1). Именно они послужили отправной точкой для формирования однотипных артефактов „Стиля Сёсдала“. Таким образом, можно с уверенностью считать, что орнамент „Стиля Сёсдала“ воспроизводил в плоскостном варианте композицию из полихромных вставок и окружающего их пластичного декора, увиденных ранними пруссами на обоймицах восточнотских пряжек эпохи Ардариха и Одоакра (рис. 1 : 1, 5, 6). Следует отметить существенное отличие штампа „Стиля Сёсдала“ от аналогичных по форме пуасонов в раннегерманском искусстве (например – на браслетах и пряжках остготов и гепидов). В нем треугольный штамп наносился на восковую модель предмета (рис. 1 : 1–3). „Стиль Сёсдала“ характеризуется несвойственным для раннегерманских традиций нанесением такого штампа на плоскую поверхность готового изделия. Сохраняя характерные для „Стиля Сёсдала“ тенденции декорирования части объекта, мастера „Стиля Волчьего зуба“ с нач. 6 в., оттисками треугольного штампа снабжают весь периметр изделия (рис. 1 : 7, 8).

Этим реализуется стремление охранить декором-оберегом весь предмет. Данный стиль имеет не пластичный, как у германцев, а геометрический уровень абстрагирования духовных понятий. Новая черта „Стиля Волчий зуб“ – имитация зерни в треугольном по форме штампе – появляется на исходе эпохи Великого переселения народов. Такие фигуры из настоящей зерни, распространенные в ранней Византии, становятся известны в аварской и славянской среде Подунавья (Минаева О., 1990, рис. 32). Благодаря контактам жителей земли пруссов с этими народами (Кулаков В. И., 1990а, с. 176, 177) такой орнамент начинает имитировать ювелиры Труссо уже на рубеже 7–8 вв. (рис. 1 : 11). Распространение памятников искусства с такой чертой „Стиля Волчий зуб“ в среде викингов показывает значительную долю участия в их движении балтского и, позднее, славянского этнических элементов. Этапы формирования имитирующего зернь стиля последовательно представлены в зоне усиленных контактов всех будущих участников движения викингов – в протогородских центрах Янтарного берега (рис. 2). Продукция их мастеров – янтарные изделия, украшения с треугольным штампом, с использованием зерни синхронны (Reineking von Bock, 1981, Abb. 58). Не исключается возможность имитации таких

Рис. 1. Памятники декоративного искусства сер. 5 – кон. 7 вв.

1 – женская поясная пряжка (серебро, альмандины) из могильника Нагьяварад (Венгрия) – восточногерманские древности 450–490 гг.; 2 – поясная пряжка (бронза, альмандины) из женского погр. 368 Косево-1 (Ольштыгское воев., Польша) – гепидские древности 500–550 гг.; 3 – фибула вида Монтале-Ваймар (серебро с позолотой) из женского погр. 147 Тумяны (Ольштыгское воев., Польша) – лангобардские древности 530–568 гг. (по Й. Вернеру); 4 – фибула типа „со звездчатой ножкой“ (бронза с серебряным покрытием) из мужского погр. 31 Варникам (ныне – Первомайское, Багратионовский р-н Калининградской обл.) – ок. 450 г.; 5, 6 – пряжка и наконечник ремня (бронза, покрытая серебром) из мужского погр. 163 Долъкайм (ныне – Коврово, Зеленоградский р-н Калининградской обл.) – ок. 450 г.; 7 – мужская пряжка (серебро) из парного погр. 26 Тумяны – 500–525 гг.; 8 – фибула типа Мюльхёфен (бронза) из мужского погр. 11 Тумяны; 9 – фибула – дериват видов Вайнхайм или Мюльхёфен (бронза) из женского погр. 98 Тумяны – ок. 600 г.; 10 – фибула – дериват вида Монсхайм (бронза), случайная находка на могильнике Келары (Ольштыгское воев., Польша) – 600–650 г.; 11 – наконечник ремня (бронза) из мужского погр. 105 Эльблонг (ул. Армии Червоней, Эльблонгское воев., Польша) – 675–700 гг.

Источники к рис. 1: 1 – Bierbrauer V., Historische Überlieferung und Archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer unter Odoaker und Theodorich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie. In: / Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, Abb. 10, 5; 2 – Kemke H., 1914. Kritische Betrachtungen über Tischlers Periode E der ostpreussischen Gräberfelderzeit. In: / Prussia, Bd. 23, Teil 1, Abb. 3; 3 – Heydeck J., 1895. Das Gräberfeld von Daumen und Rückblick auf einer deutschnationalen Kunst. In: / Prussia, Bd. XIX, S. 65; 4 – Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, Taf. IV, 5, 5a; 5, 6 – Ibid., Taf. XI, 1, 2; 7 – Hydeck J., 1895, S. 46; 8 – Ibid., S. 44; 9 – Ibid., S. 58; 10 – Kühn H., 1981. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. III. Teil, Graz, Taf. 42, 266; 11 – Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ Г 1–9, табл. III, 15.

изделий в глубинах Скандинавии (Капелле Т., 1989, с. 139). Важно отметить, что сформировавшийся на рубеже 7–8 вв. в прусской дружинной среде, „Стиль Волчий зуб“ стал вскоре известен на о. Готланд и в других частях юго-восточной Скандинавии. Этому способствовало расселение там групп западных балтов. Таким образом, данный стиль распространяется еще перед началом движения викингов и существует до самого его конца. Наряду с остальными перечисленными выше стилями декоративного искусства, „Стиль Волчий зуб“ находится в числе археологических признаков древностей викингов. Особенности декоративного искусства эпохи викингов показывают один из самых загадочных находок, сделанных на о. Готланд:

Клад из Фёльхаген (о. Готланд), вторая половина 10 в. (Stenberger M., 1947. Abb. 170–173) состоял из серебряных украшений с зернью, сканью и штампом, объединенных „Стилем Волчий зуб“. Среди них находились подвески женского ожерелья, с двумя типами антропоморфных изображений. Их объединяют общие конструктивные моменты: подвески имеют лицевую выгнутую серебряную пластину, внутренняя часть которой закрыта плоской пластиной без орнамента. Эти подвески имеют миндалевидную (частично – „ры-

бовидную“ – рис. 2 : 11) форму. Украшенные сканью и зернью, данные предметы не имеют глубоких корней в скандинавском искусстве. Показательно, что на Севере Европы аналоги этим находкам отсутствуют. Основной массив подвесок в виде головы воина известен с побережья Чудского озера в памятниках конца 10 в. (Tamla Ü., 1995, р. 91; fig. 1–3). Связи разноэтнического населения острова Готланд с востоком Балтики в этот период не вызывают сомнения. Ближайшими прототипами находок из Фёльхаген и из Эстонии служит литая бронзовая „головка викинга“ из могильников Гросс-Фридрихсберг (западная часть нынешнего г. Калининграда) (Gaerte W., 1929, Abb. 266, i) и Бирка (Nerman B., 1940, Taf. 92, 3–5). Традиция миндалевидных подвесок, ставшая симбиозом урало-алтайских и балтских древностей, великолепно представлена в дружинном материале Пруссии рубежа 10–11 вв. (Кулаков В. И., 1977, с. 227). Результат подобного симбиоза показывают и подвески в виде человеческой головы. Их архетип найден в Новгороде (Седова М. В., 1981, рис. 13, 1) и имеет прекрасные аналогии в искусстве культур кочевого мира. Отзвуки этих традиций сохраняются в литых подвесках из Бирки. Еще с гуннской эпохи изображение человеческих лиц в анфас украшали снаряжение воинов степей

Рис. 2. Памятники декоративного искусства кон. 7 – нач. 11 вв., выполненные с использованием „Стиля Волчий зуб“.

1 – фибула типа 46 (бронза) из мужского погр. 80 Тумяны – 675–700 гг.; 2 – фибула (бронза) из мужского погр. 450 Ментке-1 (Ольштынское воев., Польша) – 675–700 гг.; 3 – фибула S-видная (бронза) из женского погр. 41 Новинка (Эльблонгское воев., Польша) – готландские древности 600–650 гг.; 4 – фибула (бронза) из женского погр. 38 Новинка – готландские древности 650–700 гг.; 5 – фибула (бронза) – дериват вида Даттенберг из мужского погр. 83 могильника Новинка – ок. 700 г.; 6 – пряжка (серебро), случайно обнаруженная на могильнике Жулавка (Эльблонгское воев., Польша) – готландские древности 600–650 гг.; 7 – верхняя часть ключа (бронза), случайно обнаруженная в 1992 г. в одном из курганов Кауп (Зеленоградский р-н Калининградской обл.) – 900–950 гг. Дата дана по аналогии с антропоморфной деталью пинцета из кург. 480 Бирка (Швеция), датируемого по овальной фибуле Р 42 рубежом 9–10 вв. (Janson I., 1985. *Ovala spännbucklor*. Uppsala, p. 174); 8 – подвеска-лунница (серебро) из жеской могилы в кург. 6/№ Кауп – 960–1016 гг.; 9 – подковообразная фибула (бронза) из мужской могилы в кург. 6/№ Кауп – готландские древности 1000–1–16 вв.; 10 – подковообразная фибула (бронза) из мужской могилы в кург./143 Кауп – 950–1000 гг.; 11 – подвеска (серебро) женского ожерелья из клада в Фёльхаген (о. Готланд) – 950–1000 гг.

Источники к рис. 2: 1 – Heydeck J., 1895, S. 56; 2 – Кулаков В. И., 1990. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. In: *Barbaricum*, Warszawa, с. 181, рис. 14; 3–6 – Godtowski K., 1981. Okres wędrówek ludów na Pomorzu. In: *Pomorania Antiqua*, t. X, ryc. 29, 28 a, c; 31; 7 – Архив ИА РАН. Кулаков В. И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1996 г.; 8 – Mühlen B., 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen In: *Bonner Hefte zur Vorgeschichte*, Nr. 9, Taf. 3, 4; 9 – Ibid., Taf. 25, oben.; 10 – Кулаков В. И., 1989. Кауп. In: *Становление европейского средневекового города*. Москва, рис. 4, 3; 11 – Nerman B., 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, Fig. 171.

(Засецкая И. П., 1994, рис. 35, 9), символизируя головы поверженных врагов. Именно таким является первоначальное предназначение подобных подвесок (в кочевом мире – к сбруе коня), в эпоху викингов украшавших женский убор. Эти предметы характерны в 10–11 вв. прежде всего для Восточной Балтии, где соприкоснулись традиции многих народов. Лишь ювелиры этого макрорегиона, обладавшие приемами скандинавского, балтского и славянского искусства, могли создать этот синкретический образ. В подвесках из Фёльхаген имеются элементы „Стиля Волчий зуб“, акцентирующий балтские или славянские импульсы при создании этого памятника. Необходимо учесть, что такие элементы, выполненные в скани и зерни, совпадают к восточногерманским древностям 4 в. (Gaerte W., 1929, Abb. 250) и были прекрасно известны на Готланде перед эпохой викингов (Nergman B., 1969, Taf. 3, 28; 273, 2195). Находки из Кремлевского кладя 1988 г., датированного концом 12 – началом 13 вв. (Авдусина Т. Д., Панова Т. Д., 1989, с. 273, 274), представляют собой позднейшую фазу развития подвесок в виде человеческого лица, что показано значительной стилизацией образа. Находки из кладов в Фёльхаген и в Кремле, сохраняющие в нижней части подвесок рудименты звериных масок („круглые глаза“ на подбородках представленных на подвесках мужских личин), имеют изобразительные и технологические аналогии в материале земли пруссов поздней фазы развития подвесок (La Baume W., 1940, Taf. 567, 2). Относительно принадлежности Кремлевского кладя 1988 г. существует два мнения. Одно из них, наиболее распространенное к настоящему времени, приписывает вещи этого кладя казне юного князя Владимира, погибшего в 1238 г. во время штурма Москвы татаро-монголами (Панова Т. Д., 1995, 109). Вторая точка зрения, недавно высказанная А. А. Молчановым, квалифицирует этот комплекс как депозит скандинавского купца, опущенный им в кремлевскую землю ок. 1210 г. С этим актом связывается упомянутый в „Саге о Хаконе, сыне Хакона“ норвежский купец Эгмунд (Молчанов А. А., 1995а, с. 43). Последний вариант принадлежности кладя 1988 г. логичен, ибо на серебряных платежных гривнах из его сос-

тава выявлены руны, являвшиеся скандинавскими языческими оберегами. Эти гривны – плата, полученная купцом за ранее проданный товар. Украшения в кладе могли быть тем товаром, который „Эгмунд“ еще не распродал на Руси. Не исключено, что часть этих роскошных предметов была привезена купцом со своей родины. В расчете на прибыль он доставил на Русь именно ту продукцию скандинавских ювелиров, которая нашла бы сбыт в среде богатых горожан и аристократов. Часть этих товаров могла быть изготовлена и на Руси (Молчанов А. А., 1995б, с. 43). Этот вывод подтверждается наличием в кладе серии из 12 однотипных перстней с изображением хищной птицы. Один из этих перстней, снабженный арабской благопожелательной надписью, послужил образцом для изготовления остальных перстней. Подобные находки хорошо известны в городских древностях Руси 12 в.

Этнос авторов подвесок со стилизованной маской человека и найденных в кладе 1998 г. с ними браслетов с головками драконов в „Стиле Урнес“ скорее всего связан с Севером Европы. Ориентированные на русский рынок, ювелиры Скандинавии эти и прочие типы украшений могли изготавливать для богатых модниц из городов, лежавших по Восточному пути. Так выглядел финал многовековых этно-культурных контактов представителей различных племен языческой цивилизации Европы, начавшихся в 5 веке.

Итак, искусство Скандинавии эпохи викингов полностью отвечало принципам полиэтничной дружины. Входившие в ее состав воины, пришедшие из различных регионов „языческой цивилизации“ приносили с собой частички региональных декоративных традиций и вкусов. На них ориентировались удовлетворявшие запросы викингов ювелиры Скандинавии и Балтии. Памятники дружинного искусства, сочетая различные новации, имеют неповторимый облик и были призваны придать великолепию облику воителей Севера и их спутниц. Важно отметить высокий социальный пафос объектов этого искусства, отличавший их владельцев среди остальной части населения, не захваченной движением викингов.

Представленная в статье этно-культурная ситуация I тысячелетия н. э. в землях, прилегающих к восточной части бассейна Балтийского моря, показывает сложение благоприятных условий для развития здесь движения викингов. Его интернациональный характер, приведший к менее кровопролитному,

нежели на Атлантике, развитию событий, определил сущность балтийского варианта этого исторического феномена. Особенности движения викингов по Восточному пути прекрасно иллюстрируются близким и понятным для разноплеменных купцов и воинов Балтики „Стилем Волчий зуб“.

Литература

- Авдусина Т. Д., Панова Т. Д., 1989. О находке кладя на территории Московского Кремля. In: *Советская археология*. № 4.
- Венелин Ю. И., 1846. Окружные жители Балтийского моря. Леты. In: *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском Университете*. № 3. Москва.
- Давидан О. И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладосе. In: *Археологический сборник Гос. Эрмитажа*. Вып. 21. Ленинград.
- Давидан О. И., 1984. Янтарь Старой Ладосы. In: *Археологический сборник Гос. Эрмитажа*. Вып. 25. Ленинград.
- Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гунскую эпоху (конец IV–V вв.). Санкт Петербург.
- Исландские саги, 1956. Москва.
- Капелле Т., 1989. Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов. In: *Славяне. Этногенез и этническая история*. Ленинград.
- Кирпичников А. Н., 1988. Ладога и Ладоская земля VIII–XIII вв. In: *Историко-археологическое изучение Древней Руси: Славяно-русские древности*. Вып. 1. Ленинград.
- Кулаков В. И., 1980. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновки в 1977 году. In: *Acta Baltico-Slavica*, t. XIII.
- Кулаков В. И., 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–X вв. In: *Советская археология*, № 3.
- Кулаков В. И., 1989а. Кауп. In: *Становление европейского средневекового города*. Москва.
- Кулаков В. И., 1989б. Ладья Ирзекапиниса. In: *Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 10-летию Морского Музея и Аквариума*. Клайпеда.
- Кулаков В. И., 1989в. Знамена дружин Балтийского региона. In: *Советская археология*, № 4.
- Кулаков В. И., 1990а. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V–начала VIII в. по материалам раскопок 1878–1938 гг. In: *Barbaricum*, t. I. Warszawa.
- Кулаков В. И., 1990б. Древности Прусов VI–XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Г 1–9. Москва.
- Кулаков В. И., 1990в. „Звериноголовые“ фибулы балтов (V–VII вв. In: *Советская археология*, № 2.

- Кулаков В. И., 1991. „С милого севера в сторону южную...“ In: *Наука и жизнь*, № 9.
- Кулаков В. И., 1991–1992. Культовое оружие балтов и славян X–XII вв. In: *Slavia Antiqua*, XXXIII.
- Кулаков В. И., 1994а. Прусы (V–XIII вв.). Москва.
- Кулаков В. И., 1994б. Предшественники эмблемы Византии. In: *Гербовед*, №5–6, с. 6.
- Кулаков В. И., 1995а. Прусская дружина в V–XII вв. In: *Элита и этнос средневековья*. Москва.
- Кулаков В. И., 1995б. Предшественники европейских знаков отличия. In: *Avstrvegr*. Tallinn.
- Кулаков В. И., 1995в. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. In: *Древняя Русь: новые исследования*. Славяно-русские древности. Вып. 2. Санкт Петербург.
- Лебедев Г. С., 1983. Конунги-викинги (к характеристике типа раннесредневекового деятеля в Скандинавии). In: *Политические деятели античности, средневековья и Нового времени*. Ленинград.
- Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Ленинград.
- Лебедев Г. С., 1988. Русь и чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э. In: *Историко-археологическое изучение Древней Руси*. Вып. 1. Ленинград.
- Ловмянский Х., 1985. Русь и норманны. Москва.
- Ломоносов М. В., 1987. Древняя российская история. In: *Дорогами тысячелетий*. Москва.
- Матузова В. И., 1979. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Москва.
- Мельникова Е. А., 1977. Скандинавские рунические надписи. Москва.
- Минаева О., 1990. Мадарский конник. София.
- Молчанов А. А., 1995а. Языческие обереги древнерусских, скандинавских и восточных ювелирных изделий XI – начала XIII из Московского Кремля. In: *Восточная Европа в древности и средневековье*. Язычество, христианство, церковь. Москва.
- Молчанов А. А., 1995б. Сокровище варяжского гостя в Московском Кремле. In: *Наука и жизнь*, № 6.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград.
- Носов Е. Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси. In: *Древности Северо-Запада*. Санкт Петербург.
- Орлов С. Н., 1941. Могильник в Старой Ладосе (из материалов Староладоской экспедиции института ЛГУ). In: *Ученые записки ЛГУ*. № 80. Серия: истор. наук. Вып. 10.

- Панова Н. Д., 1996. Большой Кремлевский клад. In: *Наследие викингов*. Вогås.
- Пашуто В. Т., 1965. Особенности структуры Древнерусского государства. In: Новосильцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. *Древнерусское государство и его международное значение*. Москва.
- Петрухин В. Я., 1983. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннесредневековый период (XI–XI вв.). In: *Древнейшие государства на территории СССР*. Москва.
- Рыбаков Б. А., 1987. Язычество Древней Руси. Москва.
- Рябинин Е. А., 1985. Новые открытия в Старой Ладоге. In: *Средневековая Ладога*. Ленинград.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва.
- Тиханова М. А., 1970. К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. In: *Studia in memoriam Harri Moora*. Tallinn.
- Топоров В. Н., 1975. Прусский язык: A–D. Москва.
- Топоров В. Н., 1980. Прусский язык: I–K. Москва.
- Чернецов А. В., 1985. К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины. In: *Историко-археологический семинар „Чернигов и его округа в IX–XIII вв.“* Чернигов.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg.
- Gallmer J., 1992. Interaction between Ethnical Groups in the Baltic Region in the Late Iron Age. In: *Contacts across the Baltic Sea*. Lund.
- Ginters V., 1981. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum. In: *Antikvariskt arkiv*, t. 70. Stockholm.
- Haseloff G., 1973. Zum Ursprung der germanischen Tierornamentik – die spätrömische Wurzel. In: *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 7. Berlin–New York.
- Haseloff G., 1981. Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit. Studien zu Salins Stil I. Bd. II. Berlin–New York.
- Herrmann J., 1982. Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostseevölker. In: *Wikinger und Slawen*. Berlin.

- Jung T., 1922. Germanische Götter und Helden in Christlicher Zeit. München.
- Karlson L., 1983. Nordisk form om diurnamentik. Stockholm.
- Klindt-Jensen O., 1957. Bornholm i folkvandringstiden og forutsætningerne i tidlig jernalder. København.
- Klindt-Jensen O., 1961. Øst og Vest i Bornholms jernalder. In: *Nationalmuseets Arbejdsmark*. København.
- Kulakov W., 1992. Preussische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert. In: *Studia Baltica Stockholmiensa*, t. 9. Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinaviern im frühen Mittelalter. Stockholm.
- Kulakov V., 1996. Warnikam (Altertümer der preußischen Fürsten). In: *Eurasia Antiqua*. Bd. 3. (in Druck).
- La Baume W., 1940. Die Wikinger. In: *Vorgeschichte der Deutschen Stämme*. Ostgermanen und Nordgermanen. Leipzig–Berlin.
- Lund Hansen U., 1994. Skandinaviern und der Kontinent zur Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit. In: *Runische Schriftkultur in kontinental-skandinavischer und – angelsächsischer Wechselbeziehung*. Berlin–New York.
- Mälärstedt H., 1979. Kopparsvikk – ett vikingatida gravfält vid Visby. In: *Arkeologi på Gotland: Gotlandica. T. 14. Visby*.
- Mühlen B., 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. In: *Bonner Hefte zur Vorgeschichte*. Nr. 9. Bonn.
- Nerman B., 1940. Birka, Bd. I. Stockholm.
- Nerman B., 1969. Die Vendelzeit Gotlands. Bd. II. Stockholm.
- Reineking von Bock., 1981. Bernstein. Das Gold der Ostsee. München.
- Stenberger M., 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Bd. I. Stockholm.
- Tamla Ü., 1995. Scandinavian Influences on the Estonian Silver Ornaments of the 9th–13th Centuries. In: *Archaeology East and West of the Baltic*. Stockholm.
- Wamers E., 1987. Die Völkerwanderungszeit im Spiegel der germanischen Heldensagen. In: *Germanen, Hunnen und Awaren*. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg.
- Wilson D., 1980. Die Wikinger. In: *Kulturen im Norden*. München.

VIKINGŲ JUDĖJIMO BALTIŠKASIS AKCENTAS (ETNINĖS DIFUZIJOS IR MENO TRADICIJOS)

Vladimir Kulakov

Santrauka

IX–XI amžių vikingų žygiai buvo paskutinis ikivalstybinės epochos Europos civilizacijos sukrėtimas. Senovės skandinavų terminas „i vikingu“ reiškė „būti žygyje“ už tėvynės ribų. Vikingų judėjimo pagrindu laikomas Vendelio laikotarpiu Skandinavijoje kilusios ekonominės ir socialinės problemos. Vikingų žygių periodizaciją rusų istoriografijoje pa-

teikė G. S. Lebedevas. Anot šio tyrinėtojo, 793–891 metais vyko stichinis vikingų kariaunų susikūrimas. Antrasis etapas – 890–980 metai, kai Skandinavijoje ir Rytų Europoje susikuria valstybiniai junginiai priklausantys kunigaikščio (karaliaus) valdžiai, palaikomai kariaunos. 890–1066 metai – tai vikingų žygių pabaiga (karališkųjų kariaunų pergalė prieš laisvųjų karių – vikingų būrius).

Iki šiol manyta, kad Rytų kelias, ejęs Dnepro ir Volgos upėmis, naudotas nuo IX amžiaus. Šio prekybos kelio stabilizacija įkvepė gyvenimui Senosios Rusijos valstybę, įkurtą su skandinavų vikingų pagalba.

Iš tikrųjų kelias Volgos upe tarp Europos Šiaurės ir Pietryčių buvo naudojamas jau vėlyvuosiu bronzos amžiaus laikotarpiu. Dnepro kelias 200–300 metais buvo aktyviai naudojamas gotų-gepidų, įsitraukusių į gintaro prekybą. Jų veiklos rezultatas – etninė-kultūrinė difuzija, įvykusi tarp Rytų Baltijos salų ir baltų arealo V–VIII amžiuje. Tai matyti iš daugelio baltiškos kilmės moteriškų įkapių Gotlande ir Bornholme, skandinaviški daiktai pažymi prūsų ir kuršių kariaunų moterų kapus. Šį reiškinį skatino rytinio Baltijos pakraščio genčių kultūrinis socialinis bendrumas. Ir atvirkščiai, vakarinėje Šiaurės Europos dalyje skandinavų ir Europos žemyno tautos buvo išskirtos ne tik kultūrinių, bet ir religinių-ideologinių skirtumų. Tai vėliau sukėlė vikingų epochos kruvinąją aušrą Anglijoje ir Prancūzijoje.

Rytuose jūros pakraščiu gyventojų įsiskverbimas gilyn į žemyną priklausė pirmiausia nuo prekybos poreikių. Kaip anksčiau gotai-gepidai, VIII amžiuje prūsai (vėliau – giminingi jiems Gotlando gyventojai) per Suomiių įlanką mėgino

išplėsti prekybą gintaru Rytų prekybos keliu. X amžiaus pradžioje rytinėje Baltijos pakrantėje buvo sukurta pirklų ir vikingų judėjimo paramos struktūra – proto-miestai. Santykiškai taikus vikingų judėjimas Rytų Europoje lėmė daugiatacionališkos Senosios Rusijos valstybės susidarymą. Kaip ir velesnė Lietuvos valstybė, Rusia tapo unikaliu Europos valstybiniu junginiu, sukurtu pagoniškosios civilizacijos vartybių pagrindu.

Didelė šių vertybių sudėtinė dalis buvo dekoratyvinis menas, jungęs Baltijos rytuose daugelį artimų kultūrinių-socialinių lygiu tautų. Manytume, labiausiai šią dvasinę vienybę atspindi „Vilko danties stilius“, susiformavęs VII amžiuje daugiatacionališkos prūsų kariaunos aplinkoje ir paplitęs iki XI amžiaus didžiulėje teritorijoje tarp Danijos ir Jaroslavlio Pavolgio. Jam būdinga daikto plokštuma, perimetre dengiama trikampių spaudu. Tai buvo universalus daugelio genčių, kariaunų junginių ir pirklų kolektyvų stilius, atspindintis vikingų judėjimo Rytuose tikrąjį pobūdį. Čia susiklosčiusi etnokultūrinė padėtis lėmė pakankamai taikų vikingų judėjimo pobūdį Rytų Baltijos regione ir slavų bei finougrų arealų viduje.

Iš rusų kalbos vertė M. Michelbertas